

А.С. Сидорцова

«СЕРДЦЕ» В «ОБЫКНОВЕННОЙ ИСТОРИИ» И.А. ГОНЧАРОВА: СЕМАНТИКА СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Тема сердца – одна из самых востребованных в русской культуре и литературе. И.А. Гончаров – художник православной ориентации, поэтому считаем важным проследить, как функционирует «сердце» в одном из его романов. Думается, системный анализ контекстов употребления слова «сердце» позволит выявить весь спектр значений понятия в художественной системе писателя. Исследователи неоднократно касались вопросов, связанных с предметом нашего изучения (В.А. Котельников, М.В. Отрадин, В.А. Недзвецкий, В.И. Мельник и др.). Но ни в одной из доступных работ мы не находим специального внимания к концепту «сердце» в первом романе Гончарова.

«Сердце» – одно из ключевых понятий в христианской трактовке мира. Так, в «Библейском словаре» В.П. Вихлянцева мы обнаруживаем следующее определение: «Сердце – в Священном Писании означает центр духовной и физической жизни человека (Втор 10.10; 10.17; Деян. 13.9), его внутренний мир (Втор 10.6) и истинную сущность (Иер.17.9)» [Вихлянец 2013: 190.]. Философ П.Д. Юркевич пишет: «Сердце есть средоточие душевной и духовной жизни человека» [Юркевич 1990: 328]. Сердце может понять все, чего не поймет разум. До разума никогда не дойдут те откровения истины, которые дойдут до сердца.

Проанализировав в «Обыкновенной истории» контексты употребления слова «сердце», мы получили следующие результаты. В целом это слово встречается в романе 143 раза: в первой части – 50 словоупотреблений, во второй – 88.

Для начала рассмотрим контексты в первой части. Чаще всего слово «сердце» используется в речи Александра – 21 раз. Приведем несколько примеров: «Едучи сюда, я думал, что он,

как дядя, даст мне место в сердце...» (45)¹, «Мне жаль его холодного, черствого сердца...» (91), «Не заменил ли кто-нибудь меня в вашем сердце?» (117), «Вы, дядюшка, решаетесь назвать глупостью этот святейший порыв души, это благородное излияние сердца; как прикажете думать о вас?» (53). Александр в начале романа молод, искренен, наивен и мечтателен, этим и объясняется частота использования им рассматриваемого слова. Герой приезжает в Петербург в волнении, возлагая на свой переезд большие надежды: «Сердце его сильно билось» (40).

В слове повествователя, где «сердце» употребляется 18 раз, представлено множество контекстов, в которых характеризуется эмоциональное состояние Александра: «сердце его билось» (63), «сердце заметалось в груди» (81), «сердце его замирало» (108). Становится понятно, что все происходящее герой воспринимает и оценивает очень эмоционально. Сходным образом повествователь характеризует и Наденьку: «Сердце своенравное...» (82), ее любовь с Александром: «Души их были переполнены счастьем, сердца сладко и вместе как-то болезненно ныли...» (89). Слово «сердце» встречается и в стихотворении Александра: «И, сердце с жизнью поссоря...» (55). Таким образом, в большинстве случаев повествователь употребляет слово «сердце» по отношению к Александру, изображая волнения его души и тревоги во взаимоотношениях с Наденькой.

Петр Иванович в своих рассуждениях прибегает к «сердцу» 5 раз. Приведем примеры: «С сердцем напрямик действовать нельзя» (129), «Сердце любит до тех пор, пока не истратит своих сил» (127), «Сердце – преглубокий колодезь...» (126), «А ты думал что? – половина твоего сердца... Я пришел к нему за делом, а он вон чем занимается – сидит да думает над дрянью!» (46). Эти афористичные суждения, как нам кажется, отражают глубину личности героя. Следует также отметить, что Петр Иванович ведет себя не так, как говорит. И, возможно, его скрытые резервы выявляются через слово.

¹ Здесь и далее цит. по: [Гончаров 1983] с указанием страниц в круглых скобках.

Во второй части романа слово «сердце» чаще всего употребляется повествователем – 40 раз. Он размышляет о «сердце»: «Первая любовь – не что иное, как несчастная ошибка сердца, которое требовало пищи, а сердце в те лета так неразборчиво: принимает первое, что попадет» (183), «Сердце людское только, кажется, и живет противоречиями: не будь их, и его как будто нет в груди...» (220). О Юлии: «Чуть что-нибудь в простом мире совершалось не по законам особого, сердце ее возмущалось, она страдала» (185), «Сердце у ней было развито донельзя...» (184), «Сердце так и замирало...» (190), «Между тем ум Юлии не находил в чтении одних романов здоровой пищи и отставал от сердца» (184). Повествователь, на наш взгляд, стремится показать, насколько сильно «развиты» в Юлии сердечные переживания, как она мечтательна: ее «сердце приготовлено не то что для первой, но для той романтической любви, которая существует в некоторых романах, а не в природе...» (184). Автор говорит об Александре: «Он проник взглядом в тайники сердца...» (162), «Он искал беседы людей с желчным, озлобленным умом, с ожесточенным сердцем...» (214), «Он со стоном хватался за сердце» (212). Таким образом автор воплощает происходящие внутренние изменения Александра, его духовного мира.

В этой части романа Александр Адуев употребляет слово «сердце» 27 раз. «Я удивился, не верил, чтоб в человеке могло до такой степени огрубеть сердце» (144), «А сердце и не стукнуло» (153), «...нет у меня сердца!...» (205), «...я отдал искренность сердца...» (214), «... не лучше ли спать и умом и сердцем?» (235). В приведенных примерах мы видим роковое изменение героя. Ему больше не нужны «любовные излияния»: «Теперь он желал только одного: забвения прошедшего, спокойствия, сна души» (214). Он больше не хочет «оплакивать потерь», он «утратил жизненные силы».

Лизавета Александровна прибегает к «сердцу» 7 раз. Героиня переживает за племянника: «А ты обнаружь ему участие, спроси, в каком положении его сердце...» (146), «У него ум нейдет в голове с сердцем...» (147). Просит Петра Ивановича помочь Александру: «О дружбе я просила тебя поговорить, о сердце, да поласковее...» (148). Она понимает

романтические порывы Александра: «Вас не умели ценить, – промолвила тетка, – но поверьте, найдется сердце, которое вас оценит: я вам порука в том», «Я, Александр, не перестану уважать в вас сердце...» (158-159). Ей по-прежнему не чужды романтические мечты, у нее еще не «огрубело» сердце, хотя она уже подвержена влиянию Петра Ивановича: «я отвыкла от своей воли...» (276).

Петр Иванович в данной части произведения использует слово «сердце» 5 раз: «...в каком положении твое сердце, Александр?» (158), «Да не ты ли говорил, – помнишь? – что презираешь человеческую натуру и особенно женскую; что нет сердца в мире, достойного тебя?...» (204), «...нет ничего святее союза двух сердец...» (210). Петр Иванович задумывается о своем влиянии на «сердце женщины», стремясь «укрепить за собой ее сердце». Таким образом, он не так «сух», как думал о нем Александр. Читатель проникается сочувствием к этому человеку, видя, что ему «не хватает» сердца для изменения его «грубого понятия о сердце».

Юлия обращается к рассматриваемому слову всего трижды: «Если у него есть сердце, он поймет» (194), «Вы здесь будете владычествовать в доме, как у меня в сердце» (198), «Вкрались в сердце лестью, притворством, овладели мной совершенно...» (202). Благодаря Юлии читатель видит, насколько изменился герой: если раньше он был бы в восторге от ее «излияний», то сейчас ему стало «скучно». Мы видим, какая безграничная и всеобъемлющая у нее любовь, но она уже не интересна Александру.

Проведенный анализ показывает, насколько значительна тема сердца в художественной философии писателя. Рассмотрим подробнее приведенные контексты. Контексты повествователя можно разделить на две группы: понимание слова «сердце» как органа в теле человека и как символа души. Повествователь значительно чаще опирается на значение сердца в духовном смысле, нежели в характеристике эмоционального состояния героя. Например: «И сердце его билось...» (63). Так обозначено эмоциональное состояние, волнения Александра. А вот пример другого рода: «Души их были переполнены счастьем, сердца сладко и вместе с тем как-то болезненно

ныли...» (89). В данном случае изображено зарождение в сердце любви к другому человеку. Но при этом стоит отметить, что Александр любит не христианской любовью, у него любовь – страсть. Устами Лизаветы Александровны автор выражает сочувствие Александру: «Она жадно прислушивалась к стонам его сердца...» (139). И в данном случае «сердце» предстает уже как символ доброты человеческой: «Как указать настоящий путь его сердцу?» (145).

Главный герой использует в своей речи слово «сердце» чаще в христианском смысле, чем при описании эмоционального состояния. Например, в характеристике дядюшки: «Бедный! мне жаль его холодного, черствого сердца...» (91). Александр разграничивает «черствое» и «любящее» сердце. Петр Иванович забыл о существовании сердца и «искренних излияний». Племянник жалеет дядюшку, «черствое сердце» которого не способно к любовным переживаниям. Контексты Александра чрезвычайно значимы, так как в них мы видим его взгляд на мир, на окружающих, на любимую: «А когда она поднимет глаза, вы сейчас увидите, какому пылкому и нежному сердцу служат они проводником!» (67).

У Петра Ивановича небольшое количество искомых словоупотреблений, но все они чрезвычайно значимы. Петр Иванович дает определения «сердца»: «Сердце – преглубокий колодезь: долго не дощупаешься до дна» (126). То есть он понимает «сердце» как некую глубину, в которой зарождаются и живут чувства человека, в которой заключена загадка личности. Он дает своеобразные «советы» Александру по обращению с «сердцем»: «С сердцем напрямик действовать нельзя» (129), «Сердце любит до тех пор, пока не истратит своих сил» (127). Мы видим, что Петр Иванович понимает сердце как средоточие любви. Интересно, что на протяжении всего романа Петр Иванович кажется «сухим» и «жестким» человеком, но примеры его словоупотреблений доказывают нам обратное. В эпилоге герой предстает перед нами как человек, который любит именно христианской любовью. Он осознает, что неправильно обращался с «сердцем» Лизаветы Александровны: «За эту тиранию он платил ей богатством, роскошью, всеми

наружными и сообразными с его образом мыслей условиями счастья, – ошибка ужасная, тем более ужасная, что она сделана была не от незнания, не от грубого понятия его о сердце – он знал его – а от небрежности, от эгоизма!» (278).

Лизавета Александровна чаще всего выступает в роли утешителя Александра, и лишь в конце мы узнаем, насколько она несчастлива. Она сравнивает Александра и Петра Ивановича: «У него ум пойдет наравне с сердцем, вот он и виноват в глазах тех, у кого ум слишком далеко забежал вперед, кто хочет взять везде только рассудком» (147). Она понимает, что для Александра «сердце» имеет первостепенное значение, а для Петра Ивановича значим лишь «рассудок». Лизавета Александровна чувствует, что порывы «сердца» племянника не чужды и ей, и потому она понимает его: «Я, Александр, не перестану уважать в вас сердце» (158). У героини так же, как и у Петра Ивановича, отсутствуют примеры словоупотреблений «сердца» в описании эмоционального состояния. Лизавета Александровна говорит: «Я не стою этой жертвы! Прости меня...» (280). Она не верит, что Петр Иванович любит ее, она смотрит на него «с недоверчивостью», когда он говорит ей, что «во мне еще не все застыло...» (281).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в слове Александра и повествователя «сердце» трактуется как в обыденном, так и в христианском смыслах. А суждения Петра Ивановича и Лизаветы Александровны о сердце связаны только с духовным смыслом слова. Анализ контекстов позволяет предположить, что в высказываниях героев о «сердце» проявляется их отношение к любви и способность любить. Выявив различные значения понятия «сердце», мы убедились, что в произведении превалирует духовный смысл слова.

Важно и то, что некоторые герои произведения в конце романа открываются читателю с другой стороны. Например, Петр Иванович, в котором есть источники «сердца», хотя на протяжении всего романа он предстает перед читателем как человек с «черствым» сердцем. Однако носителем христианской любви становится именно он, а не Александр. В конце романа герои как бы «меняются» местами. Александр «заступает» на место Петра Ивановича, а тот, в свою очередь, снова учится

любить и чувствовать. Можно предположить, что И.А. Гончаров выразил в судьбе Петра Иваныча свое миропредставление, так как «единственной целью своей веры он мог полагать лишь спасение души» [Мельник 2008: 430]. Поэтому в эпилоге именно Петр Иваныч «спасает свою душу», а не Александр. Видя, как Александр «превращается» в него самого, герой начинает меняться. Носительницей христианской любви, по-настоящему «сердечным» человеком предстает и Лизавета Александровна.

Прочтение романа через призму «сердца» позволяет выявить скрытые смыслы его содержания, углубить представление об авторской концепции.

Литература

Вихлянцев В.П. Библейский словарь. М.: Сам полиграфист, 2013.

Гончаров И.А. Обыкновенная история. М.: Современник, 1983.

Котельников В.А. И.А. Гончаров. М.: Просвещение, 1993.

Мельник В.И. Гончаров и православие. Духовный мир писателя. М.: ДАРЪ, 2008.

Недзвецкий В.А. И.А. Гончаров-романист и художник. М.: Изд-во МГУ, 1992.

Отрадин М.В. Проза Гончарова в литературном контексте. Спб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994.

Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия. М.: Директ-Медиа, 1990.

А.А. Коньшева

ОБРАЗ ЦАРЯ В ТРАГЕДИИ А.К. ТОЛСТОГО «СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО»

Основным историческим источником первой части драматической трилогии А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» (1866) послужила «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Толстой акцентирует внимание